

**РЕАЛИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА
КАТЕГОРИИ РОДА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

Статья посвящена исследованию роли категории рода существительного в создании образности поэтического текста. Дается краткий обзор научных взглядов на грамматический уровень художественного текста как эстетически нагруженный, обладающий собственным семантическим потенциалом. На анализе примеров из современной поэзии доказываем, что для поэтических текстов характерна реализация художественного потенциала категории рода существительного, в частности, семантически значимая переменная грамматического рода, которая в особых условиях поэтического контекста способна играть смыслообразующую роль.

Ключевые слова: грамматика; категория рода; грамматическая образность; поэтический текст; контекст; ассоциация.

Хотя грамматика представляет собой строго организованную систему, развивающуюся по своим внутренним законам, тем не менее, она обнаруживает и подвижность, и гибкость, активно реализуя динамические потенции поэтического языка. Эстетические возможности таких элементов морфологии, как род и число существительных, вид, залог, наклонение, время и лицо глагола, формообразование в рамках лексико-грамматических разрядов прилагательных и др., не раз рассматривались как эстетическая ценность поэтической и художественной речи в работах И.И. Ковтуновой, Я.И. Гина, А.В. Бондарко, Л.В. Зубовой, О.Г. Ревзиной, И.А. Ионовой, Б.Ю. Нормана и некоторых других исследователей.

Изучение поэтического языка имеет многолетнюю историю, но грамматика поэтического текста остается наименее исследованной областью. Традиция изучения грамматики лирического текста опирается на представление о наличии «особого уровня грамматической образности в поэтическом тексте» [5, с. 348]. Соположение терминов «грамматика» и «поэзия» впервые появилось у Г.Г. Шпета: «Поэтика в широком смысле есть грамматика поэтического языка и грамматика поэтической мысли» [6, с. 2]. В классических и современных работах о грамматических категориях лица, времени, вида, определенности в поэтическом тексте грамматический уровень художественного текста анализируется как эстетически нагруженный, обладающий собственным семантическим потенциалом. В рамках такого подхода постулируется существование особого уровня образности в поэтическом тексте, который рассматривается как глубинная семантическая организация текста. Описание грамматики дает возмож-

ность установить систему соответствий между формально-грамматическим и содержательным уровнем поэтического произведения.

Р.О. Якобсон в 30-х гг. XX века сформулировал тезис о том, что в поэзии грамматические средства выполняют эстетическую функцию и их семантическая поэтическая нагруженность может быть не меньшей, чем у лексических единиц [7, с. 462; 8, с. 215]. Вопросам грамматики поэзии посвящен третий том его «Избранных трудов», а также монография «Poetry of Grammar and Grammar of Poetry» 1961 г. Анализируя поэтический язык А.С. Пушкина, Р. Якобсон писал: «В стихах Пушкина поразительная актуализация грамматических противопоставлений, особенно в области глагольных и местоименных форм, сочетается с тонким вниманием к выражаемому смыслу. Нередко отношения контраста, близости и смежности между грамматическими временами и числами, глагольными видами и залогами играют непосредственно главенствующую роль в композиции того или иного стихотворения; подчеркнутые фактом вхождения в конкретную грамматическую категорию, эти отношения приобретают эффект поэтических образов, и мастерское варьирование грамматических фигур становится средством повышенной драматизации поэтического повествования. С обостренным вниманием к значению связана яркая актуализация грамматических противопоставлений, особенно четко сказавшаяся в пушкинских глагольных и местоименных формах. Контрасты, сходства и смежности различных времен и чисел, глагольных видов и залогов приобретают впрямь руководящую роль в композиции отдельных стихотворений» [8, с. 215].

Интерес к грамматической составляющей семантического плана художественного текста как одному из способов передачи индивидуальной художественной манеры автора проявляли В.В. Виноградов (в частности, его работа 1925 г. о языке Анны Ахматовой), Б.А. Ларин, Г.О. Винокур.

Воплощение потенциальных свойств языка может осуществляться также в модусе воспроизведения свойств грамматической формы и восстановления в поэтическом тексте утраченных в узусе языковых отношений, что открывает дополнительные возможности выразительности в поэзии. Так, Л.В. Зубова считает, что основными в рассматриваемом плане тенденциями к воплощению потенциальных свойств языка в современной поэзии являются следующие: восстановление грамматического синкретизма существительного, прилагательного и наречия, воспроизведение современным деепричастием свойств атрибутивного причастия, окказиональная реставрация деепричастием самостоятельной предикативности, воспроизведение грамматической атрибутивно-предикативной двойственности форм прошедшего времени, восходящих к перфекту, возвращение артиклевой функции местоимения *он* [2, с. 240].

М. Хайдеггер писал: «Язык обладает той особенностью, что мы в нем живем, ему доверены, обычно не направляя при этом на него свое внимание, и, таким образом, не замечаем его в его самости» [4, с. 42]. Выход из этого положения М. Хайдеггер находит в поэзии. В частности, грамматические категории в поэтическом тексте стремятся к тому, чтобы стать сущностными характеристиками создаваемого художественного мира.

Художественный потенциал грамматических категорий в поэтической системе русского языка определяется несколькими основными составляющими, в частности, языковыми возможностями окказионального слово- и формообразования (окказиональное формообразование форм числа, рода, одушевленности/неодушевленности существительного, категории вида глагола, кратких форм имен прилагательных, форм сравнительной степени).

Современной поэзией активно осваивается семантический потенциал категории рода существительного. Л.В. Зубова, исследуя поэтику постмодернизма, выявляет специфику проявления категории рода в поэзии. Ею анализируются разного типа противоречия проявления данной категории: между грамматическим родом референта и полом денотата, между грамматическим родом и основным словообразовательным типом склонения, между грамматическим родом прямого и переносного значения существительного; рассматриваются родовые варианты существительных, влияние цитатного подтекста на изменения в роде. В частности, о категории рода Л.В. Зубова пишет следующее: «Главное противоречие категории рода состоит в том, что она не является ни полностью лексической, ни полностью грамматической. <...> С одной стороны, когда речь идет о людях, здесь представлена природная бинарная оппозиция мужского и женского пола. <...> С другой стороны, язык приписывает нереальный признак пола предметам. Если же говорится о животных, птицах и других существах, ведущим признаком номинации оказывается не пол, а отношение общего и частного. <...> Кроме того, <...> есть слова среднего рода, которые могут называть и живых существ <...>. В результате сама эта лексико-грамматическая категория оказывается частично мотивированной, частично абсурдной» [2, с. 260].

Такие свойства категории рода существительного, объективно присущие ей в естественном языке, являются «благодатной почвой» для реализации ее экспрессивных и семантических возможностей в языке поэтическом. Художественный потенциал категории рода активно (но не частотно) реализуется в современной поэзии:

*Тридцать первого числа / лета красная пришла.
Пудель белая бежала, / мелким хвостиком трясла* (А. Левин)

*А в старом фильме (в старой фильме)
в окопе бреется солдат...* (Л. Лосев)

*Прощай, мой товарищ, мой верный нога,
проститься настало нам время* (Л. Лосев)

В стихотворении А. Вознесенского «Художник и модель» есть такие строки:

*Ты кричишь, что я твой изувер,
и, от ненависти хорошея,
изгибаешь, как дерзкая зверь,
голубой позвоночник и шею*

В русском языке слова на мягкий согласный с нулевой флексией в именительном и винительном падежах не различаются по роду вне конкретного контекста, т.е. они потенциально «готовы» к перемене рода без изменения своего фонетического облика. В данном примере речь идет о женщине, поэтому изменение мужского рода существительного *зверь* на женский понятно, грамматически и художественно оправдано. Сочетание *дерзкая зверь* – это зона бифуркации, употребление формы *зверь*, которая *изгибает голубой позвоночник*, рождает образы из породы кошек – диких, дерзких, смелых, гибких, красивых (тигрица, львица, пантера и подобные им). И одновременно с этим диссипативно складывается образ самой женщины и личность мужчины, которому нравится именно такой тип женщин.

В другом стихотворении, посвященном Белле Ахмадулиной, А. Вознесенский пишет:

*Ах, Белка, лихач катастрофный,
нездешняя ангел на вид,
люблю твой фарфоровый профиль,
как белая лампа горит!*

Основное значение лексемы *ангел* – «сверхъестественное существо, посланец Бога» [3, с. 24]. Б. Ахмадулина – талантливый поэт, что понимает и ценит другой поэт, написавший эти строки. Талант – Божий дар, и в этом смысле каждый настоящий поэт – посланец Бога, проводник духа, неземного. Но Б. Ахмадулина – и друг автора строк, о чем говорит обращение к ней – *Белка*, поэтому в лексеме *ангел* проявляется и дополнительное словарное значение – «ласковое обращение к человеку». Она – и собрат по цеху поэтов, о чем А. Вознесенский пишет в этом же стихотворении: *Что нам впереди предначертано? / Нас мало. Нас может быть четверо. / Мы мчимся – / а ты божество! / И все-таки нас бо́льшинство*. Изменение мужского рода существительного на женский «персонифицирует» именно женщину-поэта, рождает смысл уникальности ее таланта, поскольку традиционно ангел – это «крылатый отрок, юноша».

Крылатая женщина-поэт – это поэт вдвойне, в ней причудливо переплетаются и поэтическое, и лучшее женское начало (как писал И. Бродский о Б. Ахмадулиной, «хороший поэт является сокровищем нации. Тем более, если такой поэт женщина» [1, с. 418]). Все эти смыслы возникают именно за счет изменения категории рода существительного *ангел*. Кроме того, диссипация усиливается за счет того, что в словосочетании *нездешняя ангел* проявляется скрытый плеоназм: ангел не может быть «здешним», лексическое значение слова *ангел* априори включает сему небесности, т.е. неземного, нездешнего. Такая синтагматика прилагательного с существительным еще больше углубляет и раскрывает невербализованные смыслы контекста.

Таким образом, для поэтических текстов характерна реализация художественного потенциала категории рода существительного, в частности, семантически значимая перемена грамматического рода, которая в особых условиях поэтического контекста способна играть смыслообразующую роль.

-
1. Ахмадулина Б. Друзей моих прекрасные черты: [стихи]. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 464 с.
 2. Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 432 с.
 3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов. 20-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1988. – 748 с.
 4. Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии: пять ключевых слов // Логос. – 1991. – № 1. – С. 37–47.
 5. Цивьян Т.В. Наблюдения над категорией определенности – неопределенности в поэтическом тексте (поэтика А. Ахматовой) // Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках / Отв. ред. Т.М. Николаева. – М.: Наука, 1979. – С. 348–363.
 6. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. – Петербург: Колос, 1922. – 116 с.
 7. Яковсон Р.О. В поисках сущности языка // Семиотика: сб. ст.: переводы / Сост. и общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Изд-во «Радауга», 1983. – С. 102–117.
 8. Яковсон Р.О. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 460 с.

E.Yu. Muratova

The Realization of Artistic Potential of the Category of Gender in the Poetic Text

The article is devoted to investigation of the role of gender of the noun in creating the imagery of the poetic text. It gives a brief overview of scientific views on the grammatical level of a literary text as aesthetically loaded with its own semantic potential. On the analysis of examples from contemporary poetry, it is proved that poetic texts are characterized by realization of the artistic potential of the gender of the noun, in particular, a semantically significant change of gender, which in the special conditions of the poetic context can play a sense-making role.

Key words: *grammar; category of gender; grammatical imagery; poetic text; context; association.*

УДК 81.161.1:808

М.И. Тарасов

Смоленск

ФИГУРЫ МЫСЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ЭПИХЕЙРЕМА И ЭПИТРОП)

В статье рассматриваются две фигуры мысли: эпихейрема и эпитроп. Первая представляет собой вариант организации риторического силлогизма. Вторая – вариант фигуры умолчания. В статье также прослеживается история описания эпихейремы. Демонстрируется ее потенциал в аспекте воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: *Патриарх Кирилл; фигура мысли; силлогизм; умолчание; эпихейрема; эпитроп; речевое воздействие.*

В рассмотренных текстах находим энтимемы с несколькими посылками. Семантика этих посылок такова, что не позволяет рассматривать их как амплификацию одной посылки (когда она подается в тексте, например в виде пролеписа, или эпимоны, или эпифонемы). Энтимема с семантически самостоятельными посылками может являться «наследницей» не одного, а нескольких (чаще всего двух) силлогизмов. В силу этого она обладает особым интересным качеством. Это качество состоит в том, что при наличии двух посылок из двух разных силлогистических структур такая энтимема может иметь два (!) вывода. В действительности обычно имеется только один, второй же только подразумевается, при этом он, как правило, осознается слушателями, поскольку является для них важным по каким-то внетекстовым причинам.

Подобного рода построения можно именовать *эпихейремой* (греч. *ἐπιχειρήμα* – ‘довод, аргумент’). В источниках, описывающих этот феномен организации рассуждения, единства мы не находим.